

Вопросы языкознания, вып. 2, ч. 1. Сборник научных статей. К 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика АН Эстонской ССР П. Аристэ, Са-ранск 1975. 110 стр.

В 1975 году кафедра мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева издала содержательный сборник научных статей, посвященный 70-летию выдающегося советского финно-угроведа академика П. Аристэ. В этот коллективный труд вошли публикации по актуальным проблемам финно-угорской лингвистики — морфологии, фonomорфологии, деривации, диалектологии и исторической лексикологии мордовских языков.

Рецензируемый сборник открывает большая статья Д. В. Цыганкина «Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова» (стр. 3—20). Важнейшим типом таких изменений Д. В. Цыганкин считает опрощение, т. е. такие случаи, когда та или иная морфема в структуре слова теряет способность к вычленению. Втягивание аффиксальной морфемы в основу (деривативное опрощение) демонстрируется на примере целого ряда слов, которые в современных мордовских языках воспринимаются как производные. Разновидностью опрощения, по Д. В. Цыганкину, является втягивание словоизменительного форманта в непроизводную основу. Этим процессом в мордовских языках были охвачены главным образом наречия и послелого типа эрз. *улкоть* 'давно', *маньть* 'в прошлом году', *удало* 'сзади', *икеле* 'впереди', *васоло* 'далеко'.

В статье Д. В. Цыганкина впервые показаны также случаи деглютинации, т. е. перераспределения морфемного материала внутри слов, сохраняющих производный характер. Так, в ряде эрзя-мордовских говоров путем переразложения основы утвердился новый суффикс *-р'ина*. Продуктивность его отмечается при номинации плодовых деревьев и кустарников, например: *виш'а/р'ина* 'вишня (дерево)', *пиз'ол/р'ина* 'рябина (дерево)'. Примечательно, что в *-р'ина* выделяется *-р'*, связанный исторически с конечным согласным основы *умарь* 'яблоко'. Оторвавшись от основы, элемент *-р'* вместе с другой суффиксальной морфемой *-ина* стал продуктивным средством образова-

ния тематической группы названий плодовых и декоративных деревьев.

Д. В. Цыганкин, кроме того, отметил случаи перехода словообразовательных морфем в словоизменительные и, наоборот, словоизменительных морфем в разряд словообразовательных. На конкретных примерах показано место аналогии в становлении аффиксальных морфем в мордовских языках. В суффиксе образования глаголов *-с'т'* элемент *-с'* Д. В. Цыганкин вслед за Б. А. Серебренниковым¹ признает «паразитическим согласным» (стр. 7). Однако в данном случае могло состояться столь характерное для мордовских языков соединение двух первичных суффиксов образования глаголов в сложный суффикс. В образованиях типа *кемекстамс* 'укрепить', *н'ер'кстамс* 'ткнуть' суффиксальный элемент *-кс-* возводится Д. В. Цыганкиным к словоизменительному форманту (транслатива), перед деривационной морфемой *-т-* перешедшему в разряд деривационных же морфем. Однако в оценке первоначального (по Д. В. Цыганкину, словоизменительного) характера этого суффикса следовало автору быть менее категоричным, поскольку «в значительной части отыменных глаголов... глаголообразовательный суффикс присоединяется к другому словообразовательному (! — А. Ф.) суффиксу — в отыменных глаголах по большей части к именному *ks*».²

Процессу образования деепричастных форм типа эрз. *йугамста* 'проходя; в то время, когда проходил (я, ты и т. п.)' якобы способствовали наречия на *-сто/-ста*, например эрз. *вадрясто* 'хорошо'. Однако катализатором, благоприятствовавшим становлению таких герундийных форм, по-видимому, все же были не наречия типа *вадрясто* 'хорошо', лишённые темпорального значения, а такие существительные, которые даже в номинативе

¹ См. Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 229.

² В. Халлап, Материалы по истории глаголообразовательных суффиксов в мордовских языках. — ККИУ II 1958, стр. 186.

обозначают тот или иной отрезок времени, например *ши/чи* 'день', *ве* 'ночь', *ков* 'месяц'. В форме же исходного падежа семантика таких существительных вообще мало отличается от деепричастий типа *йутамсто* 'проходя; когда проходили'; в тех и других образованиях преобладают темпоральные отношения, например: *мокш. Тевсь тиф кафта шицста* 'Работа выполнена за два дня (в течение двух суток)'.

Суффиксы *-кад*, *-гад*, служащие средством образования глаголов от прилагательных, возведены Д. В. Цыганкиным к полнозначному глаголу *кадомс* 'оставить' (стр. 12). При этом утверждается, что будто в мордовских языках были древние сочетания *якстере кадомс* 'остаться красным, стать красным', в которых «основа глагола *кадомс* была переосмыслена и абстрагирована в роли особого глагольного словообразовательного суффикса» (стр. 12). Однако рецензенту более убедительной представляется точка зрения В. Халлапа, который связывает с первым компонентом мордовских суффиксов *-кад*, *-гад* общеприбалтийско-финские глаголообразовательные суффиксы **-ka*, **-kã*.³

Вторая статья Д. В. Цыганкина посвящена морфонологическим особенностям эрзянского словообразования (стр. 82—90). Автору удалось установить немалое количество нефонетических (грамматических, исторических) чередований гласных и согласных в аффиксальных морфемах, внутри корневых морфем, при деривации. Тщательный анализ языкового материала вместе с тем привел его к существенному выводу о менее тесной связи морфологии и фонологии в эрзя-мордовском языке, чем, например, в русском.

Название статьи «Новые элементы в системе эрзянского словоизменения, появившиеся под влиянием языковых контактов» (стр. 24—31) не вполне соответствует тому материалу, который в общем хорошо и обстоятельно проанализирован М. Д. Имайкиной. В публикации речь идет об инновациях в области словообразования и формобразования эрзя-мордовских говоров.

На уровне синтаксической морфологии М. Д. Имайкина проанализировала сложный процесс вытеснения в эрзянских

говорах суффиксальных форм наклонений аналитическими конструкциями и другими описательными образованиями типа русских придаточных предложений с союзами. Так, над формами условного наклонения (с суффиксом *-д'ер'а*, *-з'ер'а*) в эрзянской диалектной речи постепенно начинают превалировать аналитические конструкции с участием в них русских заимствований: *йес'л'и*, *йежел'и*, *йешл'и*, *буд'им*, *кол'е*, *кол'и*, *эшто*, *тык*, *дык*, *дыки*, *то*. Эти заимствования употребляются преимущественно в значении союза *если*. При этом примечательны синтаксические конструкции с участием союза *тык* < рус. *так*, например: *Мол'ат — тык аз'о* 'Если пойдешь — так иди'; *Айансамак — тык мон туйан* 'Если не покормишь меня, я уйду'. Как видно, в составе сложноподчиненных предложений придаточные употребляются без союза *йес'л'и*, однако значение условности в них сообщается благодаря наличию союза *тык*, расположенного в начале главного предложения, т. е. в другой части сложноподчиненного предложения. В таком же значении в эрзянских говорах употребляется союз *то*, например: *Мол'ат, то аз'о, ил'а поздай* '(Если) пойдешь, то иди, не опаздывай'. В эрзянских говорах под воздействием русского языка аналитическими конструкциями вытесняются и синтетические формы условно-сослагательного наклонения. Семантика этого наклонения часто выражается сочетанием форм сослагательного наклонения с упомянутыми союзами. Как отмечает М. Д. Имайкина, в диалектной речи наблюдается вытеснение форм желательного наклонения описательными образованиями с участием русского словообразования *хотел*, например: *Сон хот'ел кундамонзо* 'Он хотел поймать его'. Заслуживают упоминания и случаи употребления русских заимствований в форме творительного падежа параллельно с мордовской именной формой транслатива, например: *ул'н'ис' комбайн'ором* — *ул'н'ис' комбайн'оркс* 'был комбайнером'. По данным М. Д. Имайкиной, форма русского творительного падежа может употребляться в эрзянских говорах и в значении некоторых других падежей.

К. И. Ананьина в своей статье рассматривает особенности глагольного словоизменения в диалектах мокшанского языка, опираясь при этом на материалы верхнеалтайских говоров (стр. 31—40).

³ В. Халлап, указ. раб., стр. 230—236.

Много диалектных черт отмечено ею в парадигмах объектного спряжения и особенно в отрицательных формах глагола. В верхнеалтайских говорах к показателью повелительного наклонения *-да* может присоединяться *-т*, например *мора|да|т* 'спойте', *йофта|да|т* 'рассказывайте'. По всем рядам объектного спряжения в повелительном наклонении выступает суффикс *-к*, например *сәвәмас'к* 'вы меня возьмите', *сәвен'к* 'вы его (их) возьмите'. Во многих говорах к отрицательному слову *т'а-* 'не' присоединяется частица *-л'ä* со значением усилительности, например: *т'атл'ä мора* 'и не пой', *т'акл'ä сәвә* 'и не бери (э)то', *т'äст'л'ä кандә* 'и не приносите их' и т. п. Непонятно, почему верхнеалтайские говоры, как считает К. И. Ананина, представляют собой «результат «крещения» глагольных систем двух близкородственных языков — мокшанского и эрзянского» (стр. 32). Разве другие уровни языка рассматриваемые говоры сохранили в первоизданной чистоте?

Словообразовательный анализ ботанической терминологии в эрзянских говорах дан в статье М. В. Мосина (стр. 41—50). Все выявленные им наименования подразделяются на несоставные и составные. Среди несоставных ботанических названий выделяются непронизводные и производные слова. В терминах флоры, по наблюдениям М. В. Мосина, преобладают производные слова — с корневой морфемой и словообразовательным суффиксом. Большинство суффиксальных названий принадлежит отыменным образованиям. В числе двухкомпонентных образований наиболее продуктивно сочетание существительное + существительное. Среди них распространены также образования, в которых определительным компонентом служит какое-нибудь ботаническое название, а основным — общее название травы, например *цяпор тикше* 'богородская трава'. В зависимости от лексических значений М. В. Мосин выделяет следующие группы составных наименований: 1) названия, возникшие по месту произрастания или нахождения предмета: *вед' пар'с'ей* 'водоросль' (*ведь* 'вода'), *мастор умар'* 'клубника' (*мастор* 'земля'); 2) названия, возникшие в связи с внешним сходством между предметами (по цвету, форме и т. п.): *байаган' үе'үа* 'колокольчик' (*баяга* 'колокол'); 3) на-

звания, возникшие в результате прямого восприятия, осмысления признаков: *д'икой пин'еме* 'овсюг' (*д'икой* 'дикий').

В статье предложен ряд этимологий. Нам представляется, что в этимологизации некоторых слов допущены неточности. Так, *нартемкс|нярхькамаз* 'полюнь', *нарамс* 'стричь; брить', *нардамс* 'смести (со стола и т. п.)'; вытереть (стол, стул и т. п.), *нарде* 'крепость, прочность (волокну и т. п.)', выносливость, сила' М. В. Мосин возводит к одному и тому же этимону **нар*. Но такому объединению препятствует прежде всего фонетическая сторона, поскольку в приведенных словах обнаруживается не один корень, а несколько — *нар*-, *нар'*-, *н'är'*-. Нельзя рассматривать в одной плоскости, как это делает М. В. Мосин, конечный *-л'* в словах разного происхождения: *петькель|петьколь* 'пест (для ступы), ось' (из иранского источника), *поколь* 'кусок, комок' (финно-угорского происхождения), с одной стороны, и, с другой, мокш. *нормаль* 'клубника', в котором *л' < р'* в результате простейшей диссимилиации: *-мал' < мар'* 'яблоко', исторически 'ягода'; ср. фин. *marja* 'ягода'; в некоторых мокшанских говорах вообще не происходит указанной диссимилиации: *нормар'* с тем же значением.

В статье С. И. Липатова анализируются некоторые специфические явления в морфологии мокшанских говоров (стр. 50—56). Автор ограничил свою задачу показом наиболее существенных, с его точки зрения, черт мокша-мордовского языка в области глагольного формообразования. Наблюдения С. И. Липатова вносят ряд новых моментов в исторический анализ категорий мордовского глагола.

Т. М. Тихонова посвятила свою статью характеристике указательного склонения в эрзянских диалектах (стр. 57—64). Заслуживают внимания ее соображения относительно происхождения форм указательного склонения в косвенных падежах, а также замечания о многообразии и разнохарактерности формантов определенности, о суффиксальном или послеложном оформлении падежей в системе указательного склонения, своеобразном порядке расположения указательных формантов по отношению к падежным аффиксам. Т. М. Тихонова считает, что в эрзя-мордовском указательном склоне-

нии в единственном числе «форма направительно-вносительного падежа уподобилась (?! — А. Ф.) форме дательного падежа» (стр. 64). Такая точка зрения основана на неверной интерпретации количественного состава падежей в сингулярной парадигме указательного склонения в эрзянском языке. Дело в том, что в указательном склонении эрзянского языка имеется не два, а лишь один и тот же формант единственного числа *-н'т'ен'* (диал. также *-с'т'ен'*), который не «совпадает» и фонетически не «уподобляется» никакому другому форманту. Вопрос лишь в семантике этой словоизменительной формы, выражающей значения: 'кому? чему?; к кому? к чему?; в кого? во что (направляется действие)?'. В таких же значениях, как известно, употребляется и датив мокшанского указательного склонения, однако в таблице падежей этого склонения правомерно отсутствует направительно-вносительный в качестве самостоятельного падежа.

Обширный обзор финно-угорской литературы представлен в статье Н. С. Баюшкина «Из истории изучения именных словообразовательных суффиксов в мордовских и прибалтийско-финских языках» (стр. 64—81).

Немалый интерес представляют наблюдения П. Г. Матюшкина в статье «Формы объектного спряжения мордовского глагола в косвенных наклонениях» (стр. 90—97). Автор подчеркивает неравномерность развития объектных форм в косвенных наклонениях обоих мордовских языков. По мнению П. Г. Матюшкина, «формы косвенных наклонений образуются так же, как и в изъявительном наклонении... Причем наиболее употребительными из них в современных литературных языках являются повелительное и сослагательное, а остальные нередко заменяются изъявительным наклонением

в сопровождении соответствующих частей и союзов (*кда, бди, катк* и т. д.)» (стр. 97).

В конце рецензируемого сборника представлен «Список тем дипломных работ, защищенных студентами мордовского отделения филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева по вопросам мордовского языкознания» (стр. 98—108).

К сожалению, в сборнике не обошлось без технических погрешностей (в первую очередь, опечаток, особенно в транскрипции мордовских диалектных слов). Ряд неточностей допущен и в примерах из финно-угорских языков. Небольшое количество опечаток вкралось в ссылки на иностранные источники и вообще в написания в латинице. Из родственных языков иногда приводятся такие архаизмы, которые уже не представлены в современных финно-угорских словарях; такие примеры следовало снабдить ссылками на источники, например эст. *нартсема* 'оборвать', *нартсенуд* 'оборванный' (стр. 43) и др. Примеры из одного и того же языка лучше было давать в одной графике, особенно следовало избегать графический разнобой в ограниченных контекстах, например фин. *вало* 'свет' и рядом *happo* 'кислота' (стр. 4).

Однако характер рецензируемого сборника определяется отнюдь не этими мелкими недочетами, к тому же преимущественно редакционно-техническими. Статьи производят в целом очень хорошее впечатление благодаря тщательности проработки поставленных тем, обоснованности выводов. Главное же достоинство сборника — это обилие новых диалектных материалов, ознакомление с которыми важно не только для мордовского языкознания.

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)